

УДК 141:165.6

**ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО
ПОЗНАНИЯ****доктор философских наук, профессор, Алексейчук И.С.**Донецкий национальный медицинский университет имени
М. Горького, Украина, Краматорск

В статье проанализирован историко-философский аспект проблемы рационального познания. В работе были использованы диалектический и исторический методы, а также логические методы анализа, синтеза и обобщения отдельных фактов и данных. Античная традиция разделяла чувства, рассудок и разум. Она была продолжена в работах И. Канта и Г. Гегеля. До середины XX в. в науке и философии было принято разделение на чувственное и рациональное познание. Сделан вывод о том, что на сегодняшний день существуют различные виды трактовки познания: аналитическое, феноменологическое, герменевтическое, психоаналитическое, трансценденталистское, марксистское, эволюционное и др.

Ключевые слова: рациональность, наука, сознание, мышление, общество, рациональное познание.

Alexeichuk I.S. The Philosophical Aspects of Development of Rational Cognition/ Donetsk National Medical University named after M. Gorky, Ukraine, Kramatorsk

In the article the historical-philosophical aspect of the problem of rational cognition has been analyzed. Dialectical, historical and general logical methods such as analysis, synthesis and generalization of separate facts and data have been used in the work. Antique tradition divides senses, common sense and reason. This tradition was developed in the

works of I. Kant and G. Hegel. To the middle of the 20th century in philosophy and science was acknowledged division into sensual and rational cognition. It has been concluded that today there are different kinds of interpretation of cognition: analytical, phenomenological, hermeneutical, psychoanalytical, transcendental, Marx's, evolutionary, etc.

Key words: rationality, science, mind, thinking, society, rational cognition.

Рациональное познание – одна из наиболее актуальных проблем современной философии и попытки раскрыть ее делались уже в древности. Так, разделение познавательных способностей человека на три группы (чувства, рассудок и разум) наметилось еще в античной философии. Древние греки знали, что органы чувств человека служат источником ощущений, мышление является первоначалом знания, а рассудок и разум обеспечивают способность оперировать понятиями. В эту эпоху уже сформировалось представление о том, что с помощью рассудка создаются суждения о конечных вещах, а разум мыслит бесконечное и абсолютное. В толковом словаре платоновской школы [1, с. 615–624] среди 184 определений основных философских понятий того времени уже содержатся определения мышления, знания, разумности, рассудительности, ощущения, мудрости, мнения, обучения и воспитания.

Целью нашей работы является исследование историко-философского аспекта рационального познания.

Древняя традиция разделения познавательных способностей на три группы (чувства, рассудок и разум) получила одобрение и дальнейшее развитие у многих философов, в том числе у И. Канта и Г. Гегеля. Однако подобное разделение не было однозначным и очевидным. Одновременно с ним в истории философии часто

встречалось более простое разделение познавательных способностей человека лишь на чувства и разум. В соответствии с таким упрощенным подходом стали выделяться только два способа познания: чувственный и рациональный, а не три (чувственный, рассудочный и разумный).

При таком подходе чувственное знание формировалось на основе ощущений, полученных с помощью органов чувств человека, а рациональным считалось знание понятийное, его продуцировали рассудок и разум. Вплоть до середины XX в. такое противопоставление чувственного и рационального познания считалось адекватным. Детальные исследования процессов ощущений и восприятий, выполненные во второй половине двадцатого столетия, сформировали современные представления о том, что, по крайней мере, часть процессов ощущений и восприятий формируется под влиянием лингво-понятийной структуры мышления [2; 3].

В настоящее время познание является философской категорией, «описывающей процесс построения идеальных планов деятельности и общения, создания знаково-символических систем, опосредующих взаимодействие человека с миром и другими людьми в ходе синтеза различных контекстов опыта» [4, с. 259]. При этом в философском пространстве выделяют различные виды и понимания познания, производные от соответствующих теорий и критериев: аналитическое, феноменологическое, герменевтическое, психоаналитическое, трансценденталистское, марксистское, эволюционное, социально-антропологическое и др.

И.Т. Касавин полагает, что большинство различий в истолковании и обосновании познания «можно свести к двум основным позициям — фундаментализму и функционализму, каждая из которых схватывает одну из существенных сторон познавательного процесса. Водораздел

между ними образуется разным пониманием человеческого опыта: в первом случае как деятельности, руководимой рефлексией и ищущей своего рационального объяснения в ходе бесконечного регресса оснований, или, во втором случае, как деятельности, стихийно порождающей рефлексии по мере необходимости и подчиняющей ее своим потребностям и задачам» [4, с. 259]. При этом он обнаруживает связь между различными видами познания: Наиболее полный образ познания предполагает поиск и нахождение баланса между рядом противоречиво дополняющих друг друга позиций.

Так, с одной стороны, познание в его специфичности требует для своего понимания чего-то принципиально и субстанциально иного — «реальности», «объекта», «материи» (реализм); с другой же — познание может быть понято как самостоятельная идеальная реальность, обладающая внутренней динамикой и источниками развития (трансцендентализм). Однако, будучи самостоятельной реальностью, познание вместе с тем пронизывает все аспекты человеческого мира и лишь в абстракции может быть выделено из него.

Существуют и иные критерии классификации концептов познания, в основе которых находится разделение теорий познания на два типа – классический и неклассический (В.А. Лекторский). Однако и в наше время, сохраняется традиция противопоставления чувственного и рационального познания, основанная на легко выявляемом различии между ощущением и понятием. Иными словами, эта традиция оказалась не только удобной и понятной, но и весьма устойчивой целостностью.

Уже в Новое время дилемма чувственного и рационального привела к противостоянию сенсуализма и рационализма, обострила проблему постижения истины. Представители сенсуализма полагали,

что все новое знание производится на основе ощущений, поэтому чувственное познание является первичным и достоверным. Представители рационализма, не отрицая важной роли ощущений в познании, одновременно с этим утверждали, что именно разум придает знанию свойства всеобщности. А так как именно разум производит знание, то рациональное, а не чувственное познание, является более достоверным.

Современные исследования феноменов чувственного и рационального позволяют рассматривать органы чувств человека не только как результат биологической, но и социальной эволюции. А проблема постижения истины всё еще является основной для современной гносеологии. То есть вопросы о том, что является сутью истины, достижима ли она и каковы ее критерии до сих пор актуальны в современной науке о познании.

Философские дискуссии о сущности истины всегда порождали спектр конкурирующих теорий. Эти теории и создавали ту целостность, которая может дать наиболее полный философский образ этого сложного концепта.

Поэтому, категория истины, уже традиционно, имеет различные толкования, которые можно объединить в пять основных групп: классическая концепция истины, прагматическая, конвенционалистская, герменевтическая и диалектико-материалистическая.

Наибольшее распространение получила классическая концепция истины, которую со времен Аристотеля разделяли многие философы и ученые. Основу ее составляет принцип соответствия. Согласно этому принципу, истина определяется как соответствие знания об объекте самому объекту. В рамках этой концепции мир познаваем.

Во всех разнообразных интерпретациях классического принципа соответствия речь идет о соответствии субъективного образа предмета самому предмету. Однако конкретные представления о том, что именно является «субъективным образом предмета» и самим «предметом» зависят от разнообразных установок научных сообществ, поддерживающих классическое толкование истины.

Слабые стороны классической концепции истины проявились явным образом после работ И. Канта, инициировавшего более глубокое понимание онтологии и гносеологии объекта познания.

Основы прагматической теории истины, в основном, формировались работами Ч. Пирса, У. Джемса и Д. Дьюи. Идеологи прагматизма считали, что смыслом жизни человека является дело (действие), а успешное действие может обеспечить только вера. Сама же истина понималась ими как верование, способное стимулировать успешное действие.

В свою очередь, основы конвенционалистской теории истины, в основном, формировались работами А. Пуанкаре и П. Дюгема.

Собственное понимание истины формирует философская герменевтика. Оно основано на принципах, качественно отличающихся от рационалистических установок классической концепции. В современной герменевтике, процедура понимания связана с конкретными качествами субъекта и социального контекста, однако само понимание остается, в основном, субъективным способом познания. При этом современная герменевтика акцентирует внимание на существенном влиянии культурно-исторической среды на процесс понимания. Например, традиции и предрассудки являются, по мнению Г. Гадамера, конкретным выражением исторических условий, которые полностью устранить из процесса познания невозможно. Таким образом, герменевтическое понимание не является свободным

субъективным феноменом вследствие того, что оно обязательно содержит в себе элементы общезначимого и объективного, формируемого культурно-историческим контекстом.

Г. Гадамер подразделяет предрассудки на две категории. Во-первых, это – некритически усвоенные мнения, от которых, в принципе, можно избавиться. Во-вторых, это – ментальные установки эпохи, устранить которые субъект познания, в принципе, не в состоянии без потери своей принадлежности к определенной исторической эпохе.

В этом варианте концепции истины признание традиции есть лишь признание историчности и ограниченности своего собственного существования. Поэтому, следование традиции, опора на неустранимые предрассудки и авторитет не удаляют, а приближают к истине субъект познания [5, с. 242–245]. Сторонники такой концепции, подчеркивая её адекватность в области гуманитарных наук, говорят скорее о процессе приближения к истине в тех областях, где в полной мере не применимы естественно - научные методы исследования.

Диалектико-материалистическая концепция истины строится на основе классического принципа соответствия. Представители диалектического материализма развивают учение об объективной, абсолютной и относительной истине, воспринимая процесс познания как отражение объективной действительности.

Осознать существенную роль семиотического и социально-культурного контекстов в постижении содержания и функций понятия истина также помогает анализ проблемы истины в арабско-мусульманской философии. В наиболее общем плане концепт истины, сформированный в этом направлении, понимается как «правильность соотношения между «явным» и «скрытым», когда эти две стороны соответствуют друг другу.

Ступенями эволюции познания в филогенетичном смысле являются целостные когнитивно-культурные системы, обладающие специфическим социально-историческим содержанием. Таковы повседневный опыт, магия, миф, искусство, религия, право, философия, мораль, идеология, наука. Возникая в процессе дифференциации познавательного отношения к миру как разные типы познания, они приобретают автономные функции и обогащаются содержанием в ходе взаимодействия между собой. В одних типах познания наиболее рельефно выступает накопление, сохранение и воспроизводство опыта, в других — его развитие и обновление. Примерами первого рода является познание в рамках мифа, религии, морали, права, примерами второго – магия, искусство, философия, наука. Тип познавательного отношения определяется пропорциональным сочетанием в нем практически-целевых, нормативно-регулятивных, конструктивно-созерцательных, аналитико-критических и поисково-исследовательских контекстов» [4, с. 261].

Следует отметить, что существенной особенностью современных концепций истины является принцип конкретности. В соответствии с этим принципом, вопрос об истине познания приобретает смысл только применительно к конкретным общественно-историческим условиям. Таким образом, концепты познания и истины оказываются тесно связанными с понятием смысла.

В историческом генезисе концептуальных представлений о смысле сложились три последовательно сменяющих и взаимодействующих друг с другом парадигмы [6].

Первая парадигма – словоцентристская, ее истоки можно проследить начиная с античности. Свое название эта парадигма получила в силу того, что за элементарную единицу смысла здесь было принято слово.

Под обозначением понималась «проекция слова на обозначаемую им вещь. Именно эта вещь, сопоставимая со словом (знаком), ранее называлась значением, теперь же чаще употребляют термины «денотат» или «референт». Под означением же обычно понималась мысль (дефиниция, толкование), трактующая понимание слова. Эта трактовка обычно и называлась смыслом. Через всю историю дискуссий о смысле слова проходит это противостояние двух его семантических измерений» [6, с. 75]. Путаница, которую породили упомянутые выше два подхода к пониманию семантики слова, привела к затяжной дискуссии о соотношении смысла и значения. Отчасти эта ситуация была вызвана недостаточной глубиной разработки общих проблем семиотики и такого феномена как знак. Говоря иными словами, семиотика как наука лишь зарождалась в подобных дискуссиях.

Ситуация была успешно разрешена в конце XIX в. благодаря работам Г. Фреге, впервые описавшего семантическую структуру имени: знак (имя) — смысл — денотат (значение).

Позже такая структура получила обозначение «треугольника Фреге». Именно после работ Г. Фреге смысл знака и его денотат можно было различать уже более четко [7].

Таким образом, более двух тысяч лет философы осмысливали мир вещей и идей. При этом сформировались две традиционные линии – идеализма и материализма, структурирующие философское семантическое пространство. Но только в конце XIX–начале XX вв. в этом пространстве явно проявилось третье измерение – знаковое. Это измерение позволило внести новые смыслы в традиционные философские концепты человека, общества, культуры и познания, по-новому взглянуть не только на природу человека, но и на всю

целостность, которую образуют такие объекты в своём взаимодействии.

Можно сказать, что в этот переломный период начал меняться не только парадигмальный контекст старых проблем, но одновременно с такими трансформациями зарождались качественно новые парадигмы. В результате упомянутых изменений проблема взаимодействия «знаков» со «смыслами» и «вещами» стала исследоваться системно на протяжении последних полутора веков. Роль Г. Фреге в этих процессах переосмысления ключевая: по сути, он открыл эпоху «знаков» в дополнении к эпохе «вещей и идей», которая длилась более двух тысяч лет.

Влияние работ Г. Фреге можно сравнить с импактами В. Вундта в психологии и З.Фрейда в психоанализе, которые дали старт новому отсчёту времени не только в развитии своих узкоспециальных дисциплин, но и в общем генезисе науки и культуры.

Фреге полагал что смысл имени (знака) выражает мысль о вещи, а денотатом является сама вещь, на которую указывает знак (имя). Неявно предполагалось, что смысл имени предопределяется его денотатом.

Несмотря на то, что пропозициональная парадигма сыграла важную роль в понимании внутренних закономерностей семантических структур и даже обозначила их возможные семиотические границы, постепенно стала осознаваться и ее ограниченность. Это было вызвано тем, что пропозициональная парадигма позволяла выделять лишь суть смысла, то есть наиболее общие, контекстно-устойчивые семантические структуры.

Новый виток парадигмального генезиса проявился в 1962 г., когда Джон Остин в своей книге «Как производить действие при помощи

слов» представил первое явное и целостное описание оснований деятельностной парадигмы смысла [8].

Дж. Остин традиционно возглавляет список «пионеров британской философии обыденного языка» [9, с. 158] так как он одним из первых обратил внимание научного сообщества на то, что употребление многих слов и предложений в речевой практике может быть истолковано как реальное действие.

Однако, как это часто бывает в истории науки, до Дж. Остина идею о том, что «предложения могут нечто показывать помимо того, что они сообщают» высказал Л. Витгенштейн, что «дало толчок целому ряду исследований в области философии языка», в которых принимали участие М. Шлик и Р. Карнап [9, с. 158].

Деятельностная парадигма была основана на восприятии речевого акта как действия говорящего, которое направлено на слушающего. Это актуализировало субъективные аспекты смысла, связанные с намерениями говорящего и с тем, как воспринимающий его коммуникант понимал эти намерения.

Как справедливо отмечает А.С. Кравец: «Всякий речевой акт производится говорящим с намерением достигнуть определенной цели, воздействовать на слушающего в желательном направлении. И здесь принципиально важным для успеха в достижении коммуникативной цели оказывается смысл не только самой пропозиции, но и конкретный вид ее модальности, все прагматические устремления коммуникантов. Эти аспекты смысла не охватываются изолированной от контекста общения пропозициональной парадигмой» [6, с. 90].

В результате исследований, выполненных в рамках деятельностной парадигмы, было установлено, что из-за своей рациональной природы речевой акт подчиняется определенным

коммуникативным закономерностям, которые Дж. Лакофф назвал «естественной логикой», т.е. логикой естественного применения языка [10]. Например, смысл всегда логичен, в отличие от абсурда.

Позже деятельностная парадигма получила дальнейшее развитие в работах английских и американских философов П. Стросона, П. Грайса, Г. Райла, У. Куайна, Дж.Р. Серля. Подробно изучая семантические структуры иллокутивных и перлокутивных феноменов (утверждений, констатаций, деклараций, объяснений, аргументаций, обещаний, клятв, угроз, проклятий, просьб, приказов, прошений, мольбы, поздравлений, пожеланий удачи, приветствий и т.п.) эти исследователи смысла «в мире человеческой субъективности» не могли ни увидеть обширный слой неявной семантики коммуникаций. При этом они не только указали на важную роль этого слоя в коммуникациях, но и описали его структуры и функции.

Если в пределах словоцентристской парадигмы смысл отражает отношение, возникающее между знаком (словом) и объектом познания, то в пределах пропозициональной парадигмы это отношение опосредуется человеческой мыслью, которая характеризует некоторое «положение дел в мире». Такое опосредование с помощью «объективного положения дел» сохраняется в деятельностной парадигме, но оно становится более детальным, учитывает мотивы, цели деятельности субъекта и т.п., то есть «прагматические устремления коммуникантов» [6, с. 90].

Говоря иначе, деятельностный подход существенно расширяет границы понимания смысла высказывания потому, что в нём учитывается субъективное содержание смысла, связанное с намерением говорящего и с пониманием этого намерения слушающим.

В результате упомянутых парадигмальных трансформаций речевой акт начинает трактоваться как специфический вид человеческой деятельности, осуществляемый посредством специальной системы знаков (языка). При этом исследователи стремятся показать связь логических закономерностей с процедурами речевой аргументации.

Таким образом, критика модерна и всей философской традиции Нового времени, прозвучавшая во второй половине XX в. со стороны постмодерна, позволила лучше осмыслить основные парадигмы классического мышления, его особенности и ограничения. Прежде всего, это были: логоцентризм (как вера в господство разума в пространстве вещей, идей и языков), структурированность бытия (как вера в то, что в пространстве вещей и идей всегда можно выделить некие устойчивые целостности – структуры), фундаментализм (как вера в то, что существуют некие общие основы бытия, которые могут быть осмыслены) и традиционная концепция репрезентации (как вера в то, что «истина» безусловно существует и она адекватно отображает действительность).

Литература:

- 1. Ровинский Р.Е. Синергетика и процессы развития сложных систем / Р.Е. Ровинский // Вопросы философии, 2006, №2. – С. 5–16.*
- 2. Зинченко В.П. Формирование зрительного образа / В.П. Зинченко. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 324 с.*
- 3. Зинченко В.П. Функциональная структура зрительной памяти / В.П. Зинченко, Б.М. Величковский, Г.Г. Вучетич. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 258 с.*
- 4. Касавин И.Т. Познание / И.Т. Касавин // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М.: Мысль, Т.3., 2001. – С. 245–246.*

- Гафаров Х.С. *Философская герменевтика Г.Г. Гадамера: 5. Становление и развитие: Дис. на соискан. учен. степени доктора философ. наук: спец. 09.00.03 / Х.С. Гафаров, СПб. ун-т. – СПб., 2003. – 416 с.*
6. Кравец А.С. *Три парадигмы смысла / А.С. Кравец // Вестн. Москов. унив. – 2004. – Серия 7, Философия, №6. – С. 17–28.*
7. Фреге Г. *Смысл и денотат: пер. с нем. / Г. Фреге // Семиотика и информатика. – М.: ВИНТИ, 2007. – Вып. 8. – С. 28–34.*
8. Остин Дж. *Избранное: пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева / Дж. Остин. – М.: Идея – Пресс, 1999. – 378 с.*
9. Куслий П.С. *Импликатура и теория интерпретации / П.С. Куслий // Язык, знание, социум : Проблемы социальной эпистемологии / РАН, Ин-т философии; Отв. ред. И.Т. Касавин. – М.: ИФРАН, 2007. – С. 156–164.*
10. Лакофф Дж. *Прагматика в естественной логике / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 18–23.*

References:

1. Rovinsky R.Ye. *Synergetika i processi razvitiya slozhnyh system / R.Ye. Rovinsky // Voprosi filosofiyi, 2006, №2. – S. 5–16.*
2. Zinchenko V.P. *Formirovaniya zritel'nogo obraza / V.P. Zinchenko. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1969. – 324 s.*
3. Zinchenko V.P. *Funktsionalnaya structura zritel'noy pamiaty / V.P. Zinchenko, B.M. Velichkovsky, G.G. Vuchetich. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1980. – 258 s.*
4. Kasavin I.T. *Poznaniye / I.T. Kasavin // Novaya filosofskaya entsiklopedia: V 4 t. – M.: Mysl, T.3., 2001. – S. 245–246.*

5. Gafarov H.S. *Filosofskaya germenevtika G.G. Gadamera: Stanovleniye i razvitiye: Dis. na soiskan. uchen. stepeni doctora filosof. nauk: spec. 09.00.03 / H.S. Gafarov, SPb. un-t. – SPb ., 2003. – 416 s.*
6. Kravets A.S. *Tri paradigm smisla / A.S. Kravets // Vestn. Moskov. univ. – 2004. – Seriya 7, Filosofia, №6. – S. 17–28.*
7. Frege G. *Smisl i denotat: per. s nem. / G. Frege // Semiotika i informatika. – M.: VINITI, 2007. – Vyp. 8. – S. 28–34.*
8. Ostin J. *Izbrannoye: per. s angl. L.B. Makeyevoy, V.P. Rudneva / J. Ostin. – M.: Idea-Press, 1999. – 378 s.*
9. Kusliy P.S. *Implikatura i teoriya interpretatsiyi / P.S. Kusliy // Yazik, znaniye, socium: Problemi socialnoy epistemologiyi / RAN, In-t filosofiyi; Otv. red. I.T. Kasavin. – M.: IFRAN, 2007. – S. 156–164.*
10. Lakoff J. *Pragmatika v yestestvennoy logike / J. Lakoff // Novoye v zarubezhnoi linguisike. – M.: Progress, 1985. – Vyp. 16. – S. 18–23.*